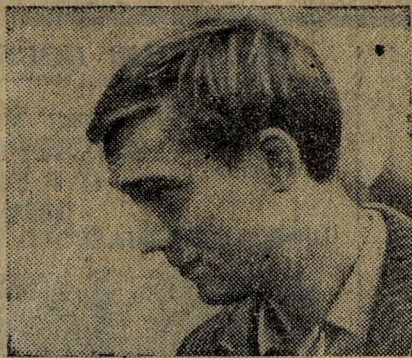

ПЕРСОНАЖ ИЛИ ГЕРОЙ?

До спектакля оставалось еще минут сорок, а перед МХАТом уже прогуливались фигуры в надежде на лишний билетик. Остановясь у театральной витрины, они с явным любопытством (так иногда разглядывают гербарии) смотрели на фотографии сцен из спектаклей, что-то говорили об актерах, спорили.

Хлопнули служебные двери, из них вышел Олег Ефремов. Натягивая на ходу перчатки, торопливо пересек проезд Художественного театра и исчез в потоках улицы Горького. Проводил его взглядом и шепотом: «Главный пошел!» — все вновь вернулись к поискам билетиков и разговору о Киндинове, который в тот день играл «околоточного надзирателя Якорева в пьесе Горького «Последние»...

А неподалеку, в кинотеатре «Россия», шел «Романс о влюбленных», и Киндинов был там Сергеем Никитиным, о котором все никак не могло сложиться единое мнение, и оттого говорились слова крайние, подчас взаимоисключающие. Вспоминали и другие роли актера — в спектакле «Сталебарды», фильмах «Городской романс», «Молодые».

Наша беседа с ним началась с того, что я вкратце пересказала суть этих споров и спросила, а как он сам относится к своим героям. Считает ли их действительно героями?

— Тут ведь два вопроса. Один о том, кого я назвал бы героем в жизни, другой о том же понятии на экране и сцене. Начну с прамбулы. Как сказки начинаются: «Жил-был несколько лет назад» дерзкий, лихой юноша, твердо знающий чего он не хочет, и не знающий, что же ему надо. Это была часто встречающаяся «личность» в фильмах 60-х годов. Вспомните хотя бы картину «Шумный день».

— Простите, Женя, я вас перебыю. В то же время появился и Гусев из «9 дней одного года». Почему вы его сбрасываете со счетов?

— Вовсе нет. Но этот физик, сыгранный Баталовым, был тогда тем, чем сейчас стали, ну... скажем, космонавты. Они — олицетворение мужества — эпохи, что ли, но ведь основная масса наших современников занимается земными делами. Героем тех лет был некий инфантильный, но смелый, способный на самопожертвование мальчик.

Теперь его сменил на экране «деловой человек». Я говорю о «Человеке со стороны» и «Человеке на своем месте». Мы все встретили этого нового героя с любопытством, похали по поводу его деловых качеств, но вскоре был вынесен приговор — на живого человека похож все-таки мало. Модель...

Людей, которым ведома абсолютная истина, нет. Просто нет. Все к ней приходит своим путем, и никогда этот путь не бывает легким. Не ошибается только опыт, то есть, когда человек на себе испытал и прочувствовал всю горечь неудачи. Прочувствовал — стало быть, речь идет о сердце, а его-то как раз порой недоставало экранным и литературным «деловым людям».

А как обстоит дело в жизни — вопрос посложнее. Кто «герой нашего времени»? Каков тут критерий? Только ли по социальной принадлежности определяется герой? И как узнать — герой ты или нет? Гете на это отвечал: «Только путем действия, но-никогда путем созерцания. Попытайся выполнить свой долг и ты узнаешь, что в тебе есть».

Определяющее в человеке — то, как он понимает насущные задачи дня, и как он своим трудом способствует их разрешению. (Даже работая на БАМе, очень трудно стать героем нашего времени). Мы, видимо, не хуже и не лучше наших отцов — как дерево не может быть хуже или лучше своих плодов или корней. Мы — продолжение тех традиций, которые отстаивали все поколения до нас, и мы просто не имеем права изменить делу, начатому отцами и дедами.

Некоторое время Киндинов молчал, наверное, думая: ответил на вопрос или нет. (Потом Женя решил, что, пожалуй, не ответил: «Понимаете, эти вопросы требуют ответа не словами, а делом»). Затем прошелся по комнате, разминаясь, словно ему трудно и скучно сидеть на одном месте. Побродив, он вернулся к стулу, уселся на него верхом и, не дожидаясь вопроса, продолжил:

— Современность можно понимать по-разному. В исторических образах тоже выражается современность. Через личность самого художника, через его человеческое «я», сформированное прежде всего трудом, работой. Пока мы молоды, мы, по-моему, редко задумываемся, что труд — это и нравственная категория. Что

настоящее дело невозможно без целеустремленности, воли, энергии, умения мыслить. А значит, мы обязаны все время воспитывать себя, растить — в самом прямом смысле слова. Надо помнить лозунг: «Время — вперед!».

Вы знаете, я сейчас получаю очень много писем от зрителей по поводу фильма «Романс о влюбленных». Многим мой герой не понравился, о нем пишут: «Я не понимаю его и не хочу понять!». Да, картина эта не так проста, как того хотелось бы некоторым. Всякому произведению искусства необходима встречная работа мысли...

Конечно, зритель всегда прав, — неожиданно заключил Женя. Он проиграл это грустно, а может, так показалось. Но, наверное, сама эта фраза не бесспорна.

— В каком смысле «зритель всегда прав»? — спросила я Киндинова.

— В любом. Аплодируют в зале — стало быть, получилась наша работа удачной, точной, хорошей.

— Но ведь случается, когда картина не понята, отнюдь не по вине ее создателей. Бывает, что есть в чем упрекнуть и публику.

— Да, все это так. Но это уже другой разговор. О зрителе, который хочет или не хочет думать. У которого воспитан или не воспитан настоящий вкус. Я, например, считаю, что мне в жизни повезло. В четвертом классе старшая сестра, актриса, отвела меня в театральный кружок Дома пионеров Киевского района города Москвы.

Там работала руководителем Александра Георгиевна Кудашева, которая начала с того, что воспитала во мне зрителя. Это был прекраснейший педагог! (У нее в студии, кстати, в свое время занимались В. Шалевич и О. Ефремов). Заряд, который дала тогда Александра Георгиевна, до сих пор не израсходован мною до конца.

— Женя, кого бы вы хотели сыграть?

— Я понимаю, вы сейчас удивитесь — мы так долго говорили о современнике, а тут вдруг я скажу, что хочу сыграть Тилля, Сирано, мушкетера и вообще персонажа в «костюмной» пьесе. Но, может быть, мне оттого этого и хочется, что я не нахожу полного удовлетворения в сыгранных своих ролях. А потом есть еще такая «ностальгия детства» — помните казаков-разбойников: все куда-то несутся, сражаются, плетутся какие-то интриги. А может быть, я думаю об этом потому, что у меня никогда не было подобных ролей...

Мы еще долго говорили о самых разных вещах. Киндинов с удовольствием рассказывал о своих путешествиях, о географических картах, которые он собирает. («Знаете, я смотрю на них и вроде бы снова куда-то еду»). О том, что театр и кино сейчас все активнее становятся искусством режиссера, а зрители по-прежнему ходят «на Смоктуновского», «на Ульянова».

И как-то вроде неожиданно подошли к мысли, что теперь все чаще слова «герой», «героиня» уступают место слову «персонаж». Почему-то нам стало от этого не то, что бы грустно, а как-то не по себе. Вроде бы и слово, как слово, ничего особенно плохого в нем нет. И мы все никак не могли доискаться до причины — отчего же это все-таки происходит.

Может быть, мы стали серьезнее, ответственнее, глубже относимся к понятию «герой», не присваивая это высокое звание всем подряд. Герой экрана и герой жизни. Не надо их отождествлять, но и противопоставлять тоже неправильно. Все дело в том, что людей исключительной нравственной чистоты и силы не всегда разглядишь в повседневном бытии. Отсюда следует и то, что нечасто они появляются на подмостках. Но все же появляются...

Л. ИГУМНОВА.

Фото В. КАРАТАЕВА.